

О БОРИСЕ ПЕТРОВИЧЕ МАНТЕЙФЕЛЕ

Из воспоминаний Юрия Борисовича Мантейфеля

Борис Петрович родился в Москве 26 апреля 1907 г. в дворянской мелкопоместной семье. Его отец Петр Александрович Мантейфель (1882–1960) – выдающийся зоолог и натуралист.

Петр Александрович учился у лучших профессоров Петровской сельскохозяйственной академии, прослушал в МГУ цикл лекций основателя русской орнитологии М.А. Мензбира, познакомился с его коллекцией птиц. Благодаря трудолюбию, любознательности, отменной памяти, он изучил жизнь, повадки, места обитания разных животных, познал основы ботаники и почвоведения – и стал разносторонним исследователем.

Со студенческих лет Петр Александрович начал ездить в увлекательные почвенно-биологические экспедиции в Среднюю Азию, был их организатором и руководителем. Но судьба распорядилось по-своему: грянула Первая мировая война и его призвали в Белую Армию, затем он служил в Красной Армии на Гражданской, а после войны был назначен на работу в Комиссариат земледелия. И только в 1924 г. – ему уже 42 года – он поступил на работу в Московский зоопарк, где смог заняться любимым делом.

Мой главный учитель –
автограф Бориса Петровича

Таким образом, детские и юношеские годы Бориса прошли в основном без отца. На своем жизненном пути он встретит замечательных учителей, но его Главным учителем станет отец. Об этом речь пойдет впереди.

Мать Бориса Петровича Александра Яковлевна Мантейфель (урожденная Никитинская) (1886–1961) закончила Университет им. А.А. Шанявского. Она долгие годы была доцентом на кафедре «Микробиология» биофака МГУ – вела спецкурс для студентов, а также проводила исследования в области технической микробиологии.

Детство Бориса прошло в двух соседних имениях: Вихрово – Мантейфель и Гришино – Никитинских, расположенных в Серпуховском уезде Московской губернии. Мальчик рос среди живописной природы: лес, цветущие луга, пойма Нары. Ребенка в основном воспитывала мать, имеющая склонность к естествознанию, она развивала в маленьком сыне интерес ко всему живому. Ее записи в дневнике 1907–1908 гг. говорят о ранней тяге Борика к домашним животным, особенно лошади приковывали его внимание. Дед Бориса по линии матери Яков Яковлевич Никитинский старший (1854–1924), крупный пищевой технолог, оказал на подрастающего внука большое влияние своей организованной жизнью, прожитой по четким правилам и нацеленной на решение общественно важных задач.

Существенную роль в воспитании Бориса сыграл его дядя Яков Яковлевич Никитинский. Он, специалист по санитарной гидробиологии и технической микробиологии, познакомил племянника с азами гидробиологии и стал

Александра Яковлевна
Мантейфель

Борис со своей коллекцией. 1918 г.

его первым учителем в таком важном для мужчины-природолюбца деле, как серьезная рыбная ловля.

С 1918 по 1924 гг. Б.П. учился в школе № 7 Московского отдела народного образования, из которой вышли многие известные деятели науки и искусства. В 17 лет старшеклассник Борис приходит в КЮБЗ (Кружок юных биологов зоопарка), создаваемый Петром Александровичем Мантейфелем. Борис вместе с другими первыми кюбзовцами активно участвует в организации кружка. С этого времени начинается его тесный контакт с отцом, который продлится долгие годы.

Занятия в КЮБЗе вели лучшие специалисты зоопарка: сравнительную анатомию преподавал П.В. Терентьев, основы генетики — Н.А. Ильин, экспериментальные методы преподавал проф. М.М. Завадовский, директор Зоосада (так тогда назывался Зоопарк). Занятия Петра Александровича были необычайно интересны, он раскрывал юннатам тайны из жизни животных. Его рассказы завораживали. Ученики боготворили его – для них он был наставником и родным человеком.

В своей автобиографии Петр Александрович так написал о работе кружка: *«Изучение всех зоологических вопросов шло успешно потому, что к этой работе были привлечены члены КЮБЗа. Сначала несложные наблюдения, а затем эксперименты с животными, проверявшиеся, по возможности, в природе, позволили внести новое в зоологическую науку <...>».*

Борис в КЮБЗе. 1924 г.

Летом 1925 г. кюбзовцы участвовали в увлекательной экспедиции от Дмитрова до Кимр по рекам Яхроме, Сестре, Дубне и Волге. Экспедицией руководили Петр Александрович и его друг Яков Яковлевич Никитинский. Б.П. с восторгом вспоминал об этой поездке: *«Сколько интересного мы видели! Часто шли глухими болотистыми лесами, вспугивая глухариные и тетеревиные выводки, находя гнезда различных птиц. На лесных кочках, среди багульника грелись на солнце большие черные змеи - гадюки. Мы наблюдали за ними и ловили их для террариума зоопарка <...>. Эта экспедиция сплотила нас и позволила лучше узнать друг друга, как это всегда бывает в трудном походе».*

Борис Петрович говорил об огромном влиянии на него отца: *«Для меня не было большего наслаждения, чем оказаться в лесу вместе с отцом. В природе он был для меня волшебником! Прекрасно разбирался в лесной жизни, мог назвать по виду и по голосу любую птицу, знал следы любого зверя, я постоянно у него учился навыкам натуралиста».*

В 1925 году Б.П. поступил в МГУ на биологическое отделение физико-математического факультета и закончил его в 1930 г., пройдя спецкурс на кафедре «Гидробиология», руководимой академиком С.А. Зерновым. Осенью 1928 г. он, студент-практик по сбору планктона, впервые был в экспедиции в Баренцевом море, в 16-м рейсе знаменитого научно-исследовательского судна «Персей». В 1929 году его зачислили младшим научным сотрудником в Государственный океанографический Институт (ГОИН), в Лабораторию планктона, руководимую известными океанологами В.А. Яшновым, и В.Г. Богоровым. Но ему, увлекающемуся жизнью животных, было скучно заниматься

систематикой водных ракообразных, и он решил изменить свою жизнь – уехать на Север. В 1932 г. Б.П. вместе с женой, бывшей кюбзовкой Верочкой Скворцовой, отправился в г. Полярный на Мурманскую биологическую станцию. С ним поехал лучший друг по КЮБЗу и университету Георгий (Юрий) Владимирович Болдовский. Сначала его зачислили младшим научным сотрудником, но вскоре перевели на должность заведующего Лабораторией планктона.

К концу 20-х – началу 30-х гг. Европейский Север был слабо обжит, изучен и освоен русскими, за исключением части Беломорья. Молодые сотрудники были захвачены романтикой исследования суровой природы. Борис Петрович, к тому времени уже ставший биологом широкого профиля, жадно приглядывался к природе Севера, подсознательно вырабатывая в себе биоценотический подход к ее изучению.

Мурманская биологическая станция много лет успешно участвовала в Международной программе исследования Северных морей. Однако осенью 1933 года станцию постигла судьба многих научных учреждений тогдашнего СССР. По ложному доносу основную часть сотрудников арестовали, уникальная биостанция была разгромлена. Молодого специалиста Бориса Мантейфеля пощадили, он был необходим для налаживания связей науки с практикой.

Он продолжил работать в Мурманске в Полярном НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО), заведовал Лабораторией биологии моря. Главными объектами его исследований были планктон и сельдь. Такой комплексный подход позволил ему сформулировать концепцию ведущей роли планктона в поведении и формировании скоплений сельди.

В 1941 г. началась война. Борис Петрович подает заявление с просьбой о зачислении добровольцем, но получает отказ, по-видимому, из-за немецкой фамилии. Фашисты планировали быстро оккупировать Мурманск и начали нещадно бомбить город. ПИНРО эвакуируют в Архангельск – менее опасный и тоже незамерзающий порт (в 1944 г. институт возвратится обратно в Мурманск). В Архангельск направляются конвои США, которые с трудом пробиваются во льдах под постоянными обстрелами. Дошедшие до цели конвои доставляют в страну танки, самолеты, продовольствие, а жители города голодают. Борис Петрович существенно поддержал население города, разработав эффективные методы лова наваги и сайки. Обнаружив под Архангельском массу морской рыбы, выброшенной на берег, он смог с помощью местной власти организовать вывоз этой рыбы для голодающих.

Но Архангельск тоже бомбят. Сотрудники института дежурят на крышах домов. В ночь на 1 сентября 1942 года гибнет старший научный сотрудник института Георгий Владимирович Болдовский, стоявший ночью на своем посту. Борис Петрович тяжело переживает потерю друга.

Работая в ПИНРО, Б.П. изучал жизнь морских животных и рыбные промыслы в Баренцевом, Норвежском и Карском морях. Но в институте произошло неприятное событие: в стенгазете появилась заметка о том, что ряд действий Б.П. – вредительские. В те времена это был донос. Ждали ареста, но из НКВД долго не приходили, и он не выдержал – решил сам узнать о своей судьбе у чекистов. «Посоветовали» спокойно работать дальше.

Еще в 1939 году, он стал участником экспедиции в район архипелага Шпицберген на научно-исследовательском судне «Николай Книпович». Руко-

водил экспедицией Юлий Юльевич Марти. Тогда в северной части Баренцева моря, у берегов Шпицбергена, были обнаружены скопления крупной океанической сельди, позже получившей торговое название «Полярный залом». Уже после войны наличие «Полярного залома» было подтверждено участниками экспедиции 1939 года. За это открытие Ю.Ю. Марти и Б.П. Мантейфель были удостоены звания лауреатов Сталинской премии, что в тот период было высшим признанием заслуг наших ученых. Подробная история этого открытия, трудности плаваний в суровых водах Атлантики на плохо оборудованных научно-исследовательских судах будут позже описаны Б.П. в занимательной книге «Живое серебро» (М.: Мысль. 1965 г.).

Борис Петрович на Конференции молодых дарований
в ПИНРО. 1953 г.

В 1946 г. Бориса Петровича перевели в Москву во Всероссийский НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) и назначили заведующим Лабораторией гидробиологии, а впоследствии – еще и Лабораторией ихтиологии. Он участвует в экспедициях в северной Атлантике (к Шпицбергену и Исландии), в Балтийском море (Рижский залив), в Японском море (у Южного Сахалина).

За весь 14-летний период работы на крайнем Севере Борис Петрович побывал в 25 научно-исследовательских рейсах, в большинстве случаев, как начальник. В 1951 году ему присвоили звание профессора.

В экспедиции на Карадаге. 1959 г.

Когда в 1957 году Георгий Васильевич Никольский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, он организовал лабораторию при Академии и предложил Б.П. перейти в нее в качестве руководителя группы, изучающей экологические аспекты поведения рыб. Он принял это предложение.

В академический институт на должность старшего научного сотрудника пришел пятидесятилетний человек – доктор наук и профессор, лауреат Сталинской премии, награжденный тремя орденами и многими почетными отраслевыми значками. Он сразу принялся за создание группы. И лаборатория, и группа быстро росли, хотя каждую ставку приходилось буквально «выбивать» из администрации Института морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ИМЖ), куда формально была причислена лаборатория. Ему пришлось коренным образом изменить тематику исследований. Необходимо было во многом перестроить и привычный стиль работы. Наконец-то он занялся настоящей наукой – с увлечением решал проблемы поведения животных. Считал, что все, что он делал до перехода в академический институт – пустяки, так как производственная текучка под началом людей, которым, в первую очередь, немедленно нужны тысячи центнеров рыбы, не дает возможности глубоко изучать теоретически важные проблемы организации рыбных сообществ. Позже в Институте проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (в прошлом – ИМЖ). Борис Петрович создал Лабораторию поведения низших позвоночных, в которую вошли в основном начинающие специалисты. Старые связи помогли ему быстро наладить интересные экспедиционные выезды, где он сам увлеченно проводил полевые и лабораторные исследования. Он старательно растил свою молодежь; основанная им лаборатория до сих пор успешно функционирует под руководством его ученика, академика Дмитрия Сергеевича Павлова.

Одновременно с научно-исследовательской работой, Б.П. вел ответственную общественную работу. Так, в ИПЭЭ он входил в состав Ученого совета, участвовал в работе нескольких комиссий. Эта деятельность имела влияние на развитие ряда приоритетных направлений института. В МГУ он был членом Ученого совета зоологического отделения биофака МГУ, а также вел спецкурсы «Гидробиология» на кафедре Океанологии Географического факультета и «Миграция и разведка рыбы» на кафедре Ихтиологии биолого-почвенного факультета.

Существенную роль сыграл Б.П., занимая должность заместителя председателя Ихтиологической комиссии Министерства рыбного хозяйства СССР, где решались важные проблемы связи ихтиологических исследований с рыбохозяйственными задачами страны.

Много сил потратил ученый на развитие науки о поведении животных. Он активно участвовал в гидробиологических и ихтиологических совещаниях, выступал на заседаниях с основополагающими докладами по проблемам этологии. Благодаря его усилиям, это направление исследований стало активно развиваться. По словам Д.С. Павлова, Борис Петрович стал главой «поведенческой» школы в нашей стране.

Московский период деятельности Бориса Петровича увенчался существенным вкладом в науку о поведении животных: вышла в свет монография «Экология поведения животных» (М.: Наука, 1980). В ней дан глубокий анализ результатов ихтиологических исследований, полученных в лаборатории

Б.П., а также рассмотрен широкий спектр данных других исследователей, касающихся поведенческих особенностей разнообразных животных. адаптационная система, обеспечивающая возможность существования видовой популяции в сложных и изменчивых условиях среды. За эту монографию он был удостоен престижной премии им. И.И. Мечникова.

Отдавая много сил работе, Борис Петрович не забывал о Лесе. Не счесть сколько раз побывал он на рыбалке и охоте в любимых «Ручьях» под Бологим и в Подмосковье сначала с отцом, потом – с отцом и повзрослевшим сыном. Еще в молодые годы, в экспедиционных рейсах в Атлантике, во время редких стоянок судна совершал он прогулки по гористой тундре, бродил среди живописных озер по зарослям морошки, брусники, голубики, в быстрых северных реках наблюдал за поведением хариусов и форелей. И даже на склоне лет, несмотря на недомогания, продолжал экскурсии в природу. Находясь в отпуске на даче в Абрамцево, на целый день уходил за 3–4 км на рыбалку, возвращался домой чуть живой, но с уловом. С удовольствием общался он там со всей живностью: птицами, белками, ежами, выявляя их подчас неожиданные повадки.

Скорее всего, залогом научных успехов Бориса Петровича явилось сочетание его деятельности в качестве гидробиолога, ихтиолога, этолога с эрудицией натуралиста.